

Шаролта Геден
Sarolta Gedeon

Доктор филологических наук
Докторская школа «Русская литература и культура между Востоком и Западом»
Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В ВЕНГРИИ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Overview history of perception in hungary Dostoevsky after 1945

Ключевые слова: Достоевский, литературная рецепция, книгоиздание, предисловие, литературная политика, правление Кадара, переводы, посредничество.

Key words: Dostoevsky, literary reception, edition of books, foreword/preface, politics of literature, the government of Kádár, translations, mediation.

Аннотация. В данной статье исследуется один из аспектов восприятия произведений Достоевского, изданных в Венгрии, начиная со времен Второй Мировой войны, в частности: оценка сочинений писателя с точки зрения издательской политики путем анализа предисловий и послесловий к изданиям его произведений. Исследование посвящается краткому обзору этих предисловий и послесловий.

Abstract. This article explores one aspect of the perception of Dostoevsky's works, published in Hungary, from the time of the Second World War, in particular: Articles Poll essay writer in terms of editorial policy by analyzing the preface and afterword to editions of his works. The study is devoted to a brief survey of these forewords and afterwords.

Четырехтомная работа Русские писатели глазами венгров под редакцией Жужи Зельдхейи Д. и Агнеш Дуккон рассматривает историю восприятия творчества русских писателей в Венгрии, начиная с XIX века до 1945 года. В первой половине XX века, как в Европе, так и в Венгрии, появляется большой интерес к творчеству Достоевского. Интерес к русской культуре и литературе, по сравнению с XIX веком, становится более интенсивным и сознательным. Как в духовно-культурном, так и языковом смысле русская литература проникала в венгерскую культуру через западное посредничество. Во второй половине XIX века венгерские читатели ознакомились с произведениями русских писателей благодаря переводам с немецкого и французского языков. Однако к 1920-30-м годам характер языкового посредничества изменился коренным образом: все больше переводчиков осуществляли художественные переводы уже непосредственно с русского языка.

В процессе взаимного влияния культур, в „органической” (Михай Бабич 1973: 293-294) взаимосвязи „отдающей” и „принимающей” сторон передача

духовных ценностей – до 1945 года – происходила большей частью свободно, без какого-либо контроля (за исключением произведений советско-большевистской литературы). Культ творчества Достоевского в Венгрии достиг своего пика в 1920-30-х годах. Автор и его произведения находились в центре внимания до середины 1940-х годов. Русский дух, равно как и универсальность писателя заставили литературу принимающей страны взглянуть в лицо фундаментальным вопросам человеческого бытия. Между тем на историческом фоне напряженно шел поиск Венгрией своего пути: проходил подсчёт потерь в ходе первой мировой войны. Во времена кризисов в истории, в литературе обычно усиливался интерес к произведениям Достоевского, что в каждом случае сопровождалось переоценкой отношения к творчеству писателя (Иштван Мэсэрич 1977). В своих заметках о Достоевском Агнеш Дуккон отмечает: „В его русском характере многие (напр. Аладар Кунцз, Дьюла Лазицзиус, Дьёрдь Шаркёзи) ощущают и любят именно ту индивидуальную особенность, которая отличает его от любого другого, от всего того, что мы обычно принимаем за западное или восточное, а его универсальность дает возможность каждому найти что-то свое, не оставляя никого, кто обратился бы к его произведениям, равнодушным. На основе книги Андрэ Жида, Дьюла Лазицзиус пишет: „Достоевский – тот писатель, в котором хотя и каждый может найти что-то свое, но при этом найти и такое, с чем уже согласиться не может. То есть находит не только то, что ищет, но и то, что ему не хочется находить.”” (Агнеш Дуккон, 1989: 16–17.) Эту же мысль подтверждает рецензия Ласло Нэмет на книги Толстого, напечатанная в журнале „Запад” (Nyugat): „Если даже Россия отречётся от того, что в прошлом веке ограничивалось „русской душой”, культ Достоевского и Толстого останется духовным экзаменом для многих стран. Особенно желателен этот культ для Венгрии” (Ласло Нэмет 1929: 113)

После Второй Мировой войны в Венгрии наступил период, который ознаменовался радикальными изменениями во всех сферах жизни: централизованно управляемой стала среди прочего и литературная политика. Согласно данным книги венгерского историка-академика, Игнаца Ромшич, в Венгрии с 1945 по 1957 год было напечатано более 1500 художественных произведений писателей зарубежной литературы, в 25 миллионах экземпляров, причем наибольшую часть напечатанных книг составляли труды Максима Горького, которые были изданы в количестве около 1 миллиона экземпляров (Игнац Ромшич 2001:368). В списке первых 12 имён наиболее часто публикуемых русских советских авторов, Достоевский не числился. (Тиборне Эрдэс 1960: 293).

После 1945 года в Венгрии официальная (культурная, литературная) политика полностью отвечала требованиям советской идеологии. Поскольку в Советском Союзе произведения Достоевского были под запретом, в 1945-1949 годах в Венгрии печатались лишь отрывки из романов Братья Карамазовы и Преступление и наказание, помимо этого были изданы Село Степанчиково и Речь Ф. М. Достоевского о Пушкине. Между 1949 и 1956 годами не печатались ни целые произведения, ни отрывки из произведений Достоевского.

После смерти Сталина, вследствие политики хрущевской оттепели, в 1955-м году в Москве был разрешен к печати роман Преступление и наказание. В 1956-57-

х годах увидели свет собрание сочинений писателя, подготовленные Государственным издательством художественной литературы. Вследствие этих изменений, с 1956-57 годов и в Венгрии стали издаваться отдельные работы писателя. Комплексный и сложный характер процесса книгоиздания позволяет предположить, что в Венгрии с 1955 года уже существовало политическое намерение к переизданию произведений Достоевского. Время расцвета издания книг писателя, начавшееся в 1957 году и длившееся до конца 1957 года, совпало с довольно многосторонним, противостоящим условиям политики регулирования издательским опытом, который по сравнению с общепринятой практикой 1950-х годов можно назвать почти либеральным (Мелинда Калмар 1998:120, см. также: Постановление политбюро Венгерской социалистической рабочей партии от 9 августа 1956 года).

Из всего этого следует, что издавать произведения русской литературы, несущей в себе классическую ценность, которую одновременно можно было бы использовать и в целях выявления антикапиталистических идей, стало значительно легче. „Канонизированные классические литературные произведения практически могли стать частью социалистической культуры. Они преобразовались в предпосылки (и первопричины!) современной литературы, подобно классической русской литературе, которая в советской литературной критике превратилась в предпосылки советской. (Благодаря этому русские классики – именно те, которых культурная политика в свое время считала приемлемыми – стали заведомо цениться выше и печататься чаще, чем классики зарубежной литературы)” (Иштван Барт 2002: 70)

В эпоху правления Кадара осуществлять цензуру в отношении переводной литературы было проще, чем в отношении отечественной литературы, которую сложно было охватить. Правила, применяемые к переводной литературе, были более четкими и ясными, к тому же, отрицательное решение и отказ от публикации книг не влекли за собой экзистенциальные последствия. Иностранцы авторы – особенно несовременные художники – имели большую творческую свободу, но в большинстве случаев их произведения печатались с предисловиями и послесловиями, отражающими вкусы и намерения издателя, составленными с целью внесения в произведение поправок, и способствующими выявлению ясности и чистоты марксистской идеологии (пропагандирующими социалистический реализм). Практика написания послесловий датируется 1957 годом, и идеология, лежащая в основе послесловий, соответствовала директивам культурной политики (Три принципа: поддержать-терпеть-запрещать). (Доклад о положении дел в области книгоиздания и о плане на 1958-й год, заседание политбюро Венгерской социалистической рабочей партии 21 ноября 1957 года.). Сопровождение произведений послесловиями, выполняющими культурно-идеологическую функцию, стало общепринятым. Послесловия составлялись не только к произведениям, которые с идеологической точки зрения считались неоднозначными (Дьюла Тот 1992): нейтральные с политической точки зрения работы (напр. классические произведения всемирной литературы) также публиковались с сопроводительными заметками и пояснительными

комментариями. „Можно сказать, что послесловие развилось в самостоятельный жанр критической литературы, на лучших примерах которого можно даже восстановить картину восприятия того или иного иностранного автора в Венгрии”. (Иштван Барт 2002: 45)

В предисловиях и послесловиях, написанных во второй половине 1950-х годов, Достоевского признавали реалистом, высоко оценивали его талант в изображении страдания, inferнальных черт общества, что можно было использовать в качестве доказательства негативного характера капиталистического общества. Эпитет „реалистический” выражал желаемую цель, которую необходимо было достичь в изображении действительности, и хотя в оценке реализма было много неопределенности (Роберт Драбанц М. – Михай Фонаи 2005), все же, наиболее полное выражение реализма находили в произведениях Преступление и наказание, Записки из Мертвого дома и Бедные люди. Из произведений Достоевского печатались те, которых политика считала приемлемыми. В разрешенных к печати трудах оценили великий талант писателя, который заключался в мастерстве стиля, творческой силе, изображении человека и бесчеловечности капитализма, приемах психологического анализа. Однако в целом автор и его произведения (особенно запрещенные в то время Записки из подполья, Братья Карамазовы, Подросток, Дневник писателя, Бесы и Двойник) считались и представлялись опасными своей иллюзорностью. Причиной такого отношения являлось также и негодование, вызванное в то время сатирой в произведениях Достоевского, между тем как сатирическое творчество Салтыкова-Щедрина высоко ценилось в эпоху Ракоши и в раннем периоде правления Яноша Кадара (Агнеш Дуккон 2009: 133-142).

Критика, чаще всего звучавшая в сторону Достоевского: антиреволюционность писателя и его произведений. Эта критика была связана и с тем, что Достоевский пользовался большой популярностью и высоко ценился в литературоведении и литературной критике Западной Европы: в нем видели великого мистика, который как философ страдания и смирения проповедовал примирение, противопоставляя его революционному пути. Поскольку произведения Достоевского в новом переводе печатались в Венгрии с 1956-57 года, ссылка на революцию представляется сильно проблематичной. В комментариях, написанных в более резком тоне, высоко оценивали произведения раннего периода творчества писателя, в которых прослеживаются идеи "революционно-демократического" направления. В то же время христианскую духовность писателя считали роковой ошибкой: „проповедником мистической русской духовности Достоевский странствует в поисках Бога на пути ведущем в никуда”.

В начале 60-х годов, на начальной стадии возрожденного культа Достоевского, критика еще колебалась в оценке восприятия искусства писателя. Появление умной, понимающей критики, рассматривающей произведения с точки зрения эстетики и философии, можно отнести к предисловию Иштвана Шётэр, к изданию 1959 года Братьев Карамазовых, к интерпретации Ференца Фехер в сборнике избранных рассказов под названием Игрок, но в особенности к послесловию Эндре Тёрёк к изданию 1960 года Идиота. Важность новизны

усиливалась тем фактом, что перечисленные произведения (за исключением романа Преступление и наказание) в 1950-х годах были запрещены к изданию в Венгрии. Объем предисловий намного превышает объем ранее написанных текстов. Характер и специфика этих текстов идет в разрыв с принятыми в 1950-х годах традициями составления послесловий и скорее указывает на непрерывность традиции интерпретации 1920-30-х годов. Сопровождающие тексты Иштвана Шётэр, написанные в духе гуманизма, признают мировые сокровища культуры как общечеловеческие ценности, и касаются как вопросов эстетики и философии, так и вопросов истории идей, поэтики романа. Интерпретации Эндре Тёрёк, написанные в новаторском духе, отражают философское, религиозно-философское, эстетическое и этическое мировоззрения автора, в основе которых лежит христианская антропология и философия морали. (Тёрёк был почти первым, кто в ту пору в образе Мышкина рассмотрел не триумф гуманизма, а образ человека исключительных знаний и чуткости, который находясь на грани превращения в клинический случай, приходит из надсознательного. Ивана считал современным атеистом, человеком восстающим против Бога.) По его мнению свидетельством великого значения Достоевского во всемирной литературе является то, что писатель, пребывая на окраинах безумия, выходя за пределы, первым раскрывает глубины человеческой души.

Ференц Фехер в 60-ые годы – будучи мыслителем духовной мастерской Дьёрдя Лукача – в своих статьях по политической философии и философии искусства, написанных в духе реформизма, выступал против марксистского подхода к искусству и марксистской эстетике своей эпохи. Произведение Записки из подполья он назвал шедевром литературы, а проблематику антиреволюционизма смягчил тем, что ожидаемая Европой защита православной России от варварского строя социализма, является следствием пророческого предвидения ошибочных направлений развития политики.

С начала 60-х годов в Венгрии началась переоценка творчества Достоевского, заново происходило открытие русского писателя, что сыграло положительную роль в изменении подхода к литературе. Интеллигенция открыла для себя Достоевского – это свидетельствует о том, что искусство Достоевского в ту эпоху вновь стало адекватным. Реформы, связанные с возрождением Достоевского и вначале дающие о себе знать в области культуры, а позже проявившиеся в экономических и культурно-политических изменениях, в начале 70-х годов прервались: сначала в сфере внешней политики, затем в экономической сфере. Как следствие этого, реформы, начавшиеся в области культуры, в последующие десятилетия продолжались в сфере народного образования.

В период политического застоя 70-х годов для книгоиздательства характерно было стремление к безопасности и переизданию проверенных, уже известных читателям книг. Распространение получили серии полных собраний сочинений. Дистанция, которую выдерживала литературная политика с Достоевским, изменилась: издательство Европа (Európa Kiadó) согласилось переиздать большинство произведений русского писателя в серии Мадьяр Хеликон (Magyar Helikon) (последний раз подобное случилось в 30-х годах). В серии в меньшем

количестве экземпляров увидели свет, например, издания Записок из подполья и Бесов. Произведения Достоевского также издавались со сравнительно короткими, доступными для понимания послесловиями, написанными с целью расширения знаний читателей. Послесловия нередко сопровождались примечаниями, которые с 70-х годов до второй половины 80-х годов составлялись директором издательства Европа (Európa Kiadó) Дьёрдьем Бакчи. Практика составления предисловий и послесловий, нацеленная на популяризацию произведения, приспособилась к изменениям в литературной политике. Возможностей (политического желания?) более глубокой интерпретации произведения в рамках предисловий и послесловий не было. Литературную политику 80-х годов можно назвать более либеральной. Усиливалась роль специальной и научной литературы (история западно-европейского восприятия творчества Достоевского, научные работы русской интеллектуальной элиты, впечатляющие интерпретации Михаила Бахтина с середины 1970-х уже стали известны и в Венгрии). Несмотря на это, в интерпретации произведений Достоевского обращались не к новаторским тенденциям литературы 1960-х годов.

С изменением политического строя после 1990 г. издательская практика, по сравнению с практикой выше обсуждаемой эпохи, изменилась до такой степени, что изложенные прежде проблемы и понятия в этом контексте почти совсем невозможно истолковать. Опубликованные работы очень разнообразны, однако художественные произведения, которые можно назвать ценными, почти теряются среди напечатанных книг, так же обстоит дело и с переводами всемирной художественной литературы (Иштван Барт 2002).

Заключение

Проследив историю венгерского восприятия творчества Достоевского, можно заметить, что среди наиболее значимых стереотипов, сложившихся о писателе и его творчестве, в каждом десятилетии выделялись определенные черты образа Достоевского-писателя, унаследованные от начала XIX века, в зависимости от того, как расставляла господствующая официальная идеология акценты интерпретации. Марксистская литературная критика противопоставляла идейность литературы социалистического реализма творчеству Достоевского. Но при этом, возможности интерпретации произведений Достоевского позволяли в разные периоды времени выявить разные, порой противостоящие друг другу по смыслу значения, в частности такие, как идея антикапитализма или сочетаемость веры, смягченной гуманизмом, и идеи социалистического братства.

Достоевский являлся "серьезной проблемой" для официальной культурной политики эпохи. Издавать его произведения можно было только с „пояснениями” и комментариями.

В условиях постепенной политической оттепели, влияния международных тенденций — история восприятия Достоевского в Западной Европе, научные работы русской интеллектуальной элиты, возрожденный культ Достоевского, созданный Михаилом Бахтиным — становились все более ощутимы в Венгрии с середины 1960-х годов. Все это сказывалось в возрождении интереса к

Достоевскому – подобно ренессансу Достоевского в 20-30-х годах –, и в переосмыслении произведений русского писателя. Интеллигенция открыла для себя Достоевского. Ее страстное увлечение произведениями писателя указывает на то, что к первой половине 60-х годов творчество Достоевского вновь стало приемлемым искусством эпохи. В 70-х и 80-х годах возрастает роль литературоведческой науки. В венгерском восприятии творчества Достоевского издательская практика отражала уже не столько атмосферу выше отмеченного "ренессанса Достоевского", а скорее была направлена на популяризацию произведений писателя.

С изменением политического строя издательская практика по сравнению с практикой выше обсуждаемой эпохи изменилась до такой степени, что изложенные прежде проблемы и понятия в этом контексте почти совсем невозможно истолковать.

Заключительный обзор/абстракт

В материалистическом понимании сущности литературы в 50-х годах художественное произведение рассматривалось не как самостоятельное целое, а как средство воспитания и формирования общественного сознания. Из произведений Достоевского печатались лишь приемлемые для идеологии сочинения писателя, среди которых самым значимым считался роман Преступление и наказание. По существу, отдельные работы Достоевского оценивались как противоречивые, в особенности Записки из подполья, Братья Карамазовы, и более всего, произведения Подросток, Дневник писателя, Бесы и Двойник. В Достоевском видели писателя, который вводит читателей в заблуждение, и потому считали его опасным, а необычное по силе восприятия изображение и художественный стиль писателя ещё более усиливали опасение. Другая причина отрицательного отношения к творчеству Достоевского состояла в том, что в то время автор пользовался большой популярностью и высоко ценился в западно-европейском, так называемом „буржуазном”, литературоведении: в нем видели великого мистика, который как философ страдания и смирения, отвергая революционные идеи, призывал к примирению. В послесловиях 50-х годов, написанных к произведениям Достоевского, наиболее часто звучащая критика в его адрес – это его антиреволюционность. Но реализм русского писателя был высоко оценен. Изображение общественной жизни в его произведениях можно было использовать в качестве доказательства отрицательных черт капиталистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Az MSZMP művelődéspolitikájának irányelvei, 1958. július 25. // MOL [Государственный Архив Венгрии] M-KS 288. f. 4/18. ő. e. [Директивы ВСРП в области политики образования, 25-го июля 1958 года] // Az MSZMP, PB 1957. november 21-i ülése (MOL [Государственный Архив Венгрии] 288. f. 5/50. ő. e) Előterjesztés a könyvkiadás helyzetéről és az 1958. évi tervről, (288. f. 5/50. ő. e) [Заседание политбюро ВСРП 21 ноября 1957 года. Доклад о положении дел в области книгоиздания и о плане на 1958-й год]

2. Йанош Бак/ Bak János 1970: Magyarország könyvkiadása 1945–1969, Budapest. [История книгоиздательства в Венгрии 1945-1969]
3. Бек, А./ Bek, A 1954: A volokalamszki országút, [Волоколамское шоссе] Budapest: Új Magyar Könyvkiadó, (ford./ пер.: Gyöngyös Iván)
4. Достоевский, Ф. М./ Dosztojevszkij, Fjodor Mihajlovics 1956: Fehér éjszakák, [Белые ночи] Budapest: Új Magyar Könyvkiadó, (ford./пер. Devecseriné Guthi Erzsébet, az utószó szerzője /послесловие: Bóka László)
5. Достоевский, Ф. М./ Dosztojevszkij, Fjodor Mihajlovics 1957: Fehér éjszakák, [Белые ночи] Budapest: Európa Könyvkiadó, (ford./пер. Devecseriné Guthi Erzsébet, az utószó szerzője /послесловие: Institoris Irén)
6. Достоевский, Ф. М./ Dosztojevszkij, Fjodor Mihajlovics 1958: Bűn és bűnhődés, [Преступление и наказание] Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, (ford./пер.: Görög Imre, G. Beke Margit, az utószó szerzője/послесловие: Kárpáti Aurél)
7. Тиборне Эрдэс/ Erdész Tiborné (szerk.) 1960: Magyarország művelődési viszonyai 1945–1958, [Положение дел в области образования в Венгрии 1945-1958] Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó
8. Збанацкий, Ю./ Zbanackij 1955: A szokolini fenyves titka, [Тайна Соколиного бора] Budapest: Ifjúsági Könyvkiadó, (ford./пер.: F. Kemény Márta, illusztrálta /иллюстр.: Rozsda Endre)

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Михай Бабич /Babits Mihály 1973: Könyvről könyvre. [Книга за книгой] Budapest: Magyar Helikon.
2. Иштван Барт/ Bart István 2002: Világirodalom és könyvkiadás a Kádár-korszakban. [Всемирная литература и книгоиздательство в эпоху Кадара] Budapest: Osiris Kiadó.
3. Драбанцз М. Роберт – Михай Фонай/ Drabancz M. Róbert – Fónai Mihály 2005: A magyar kultúrpolitika története 1920–1990. [История культурной политики Венгрии 1920-1990] Debrecen: Csokonai Kiadó.
4. Агнеш Дуккон /Dukkon Ágnes 2009: Fjodor Mihajlovics Dosztojevszkij. [Фёдор Михайлович Достоевский] In: szerk.: Szvák Gyula: A tizenkét legnagyobb orosz. [Двенадцать имен России] *Russica Pannonica*, 135-155.
5. Агнеш Дуккон 2009: К вопросу о восприятии творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина в венгерской критике. // Новый Филологический Вестник № 4 (11) 133-142.
6. Агнеш Дуккон/ Dukkon Ágnes (szerk.) 1989: Orosz Írók Magyar Szemmel III., [Русские писатели глазами венгров III] Budapest: Tankönyvkiadó.
7. Агнеш Дуккон /Dukkon Ágnes 1992: A két világháború közötti magyar Dosztojevszkij-kultusz szellemi háttere. [Духовно-культурный фон культа Достоевского в Венгрии в период между двумя мировыми войнами] In: *Protestáns Szemle*, 1992/4. 258–270.
8. Дуккон, Агнеш 2007: Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920-1940-е годы в ключе экзистенциальной философии. In: *Studia Slavica Hungarica* 52/1-2, 87-94.
9. Жужа Д Зёлдхейи / D. Zöldhelyi Zsuzsa (szerk.) 1983: Orosz Írók Magyar Szemmel I., [Русские писатели глазами венгров I] Budapest: Tankönyvkiadó.
10. Мелинда Калмар /Kalmár Melinda 1998: Ennivaló és hozomány. A kora kádárizmus ideológiája. [Пища и приданое. Идеология раннего кádáризма] Budapest: Magvető.
11. Аладар Комлош /Komlós Aladár 1955: Puskin a magyar irodalomban. [Пушкин в венгерской литературе] *Filológiai Közöny*, 1955, 1.
12. Дьюла Лазицзиус /Laziczius Gyula 1928: Dosztojevszkij fejlődése. [Творческое развитие Достоевского] *Nyugat*. 1928, II. 717–729.
13. Дьёрдь Лукач /Lukács György 1939: Megjegyzések a 19. század orosz forradalmi kritikájáról. [Заметки о русской революционно-демократической критике XIX века] *Új Hang*, 1939. november (11. sz.) 49–63.

14. Иштван Мэсэрич /Meszerics István 1977: Dosztojevszkij a mai magyar irodalomban, [Достоевский в современной венгерской литературе] В кн.: szerk./ред: Иштван Феньвеши /Fenyvesi István, Irodalmak barátsága. [Дружба литератур] Budapest: Magyar-Szovjet Baráti Társaság. 209-232.
15. Ласло Нэмет/ Németh László 1929: Két könyv Tolsztojról. [Две книги о Толстом] Nyugat, 1929, II. köt. 113.
16. Иштван Рейтё /Rejtő István 1958: Az orosz irodalom fogadtatása Magyarországon. [Восприятие русской литературы в Венгрии] Budapest: A Magyar Tudományos Akadémia Irodalomtörténeti Intézete. Irodalomtörténeti Füzetek, 21. szám.
17. Шандор Ревес /Révész Sándor 1997: Aczél és korunk. [Ацел и наша современность] Budapest: Sík Kiadó.
18. Игнац Ромшич /Romsics Ignác 2001: Magyarország története a XX. században. [История Венгрии в XX веке] Budapest: Osiris Kiadó.
19. Дьюла Тот /Tóth Gyula (sajtó alá rendezte, szerk. és a jegyzeteket írta) 1992: Irányított irodalom, Írók rózson. A Kiadói Főigazgatóság irataiból, 1961–1970. Dokumentumválogatás. [Управляемая литература, Писатели на поводке. Избранные документы Главного управления по делам литературы и издательств, 1961-1970] Budapest: A Magyar Tudományos Akadémia Irodalomtudományi Intézete.